ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2015
XXIV

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК

1176

EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Том XXIV

Экспресс-выпуск • Express-issue

2015 № 1176

СОДЕРЖАНИЕ

2837-2843 Динамика населения цаплевых птиц Ardeidae на Имеретинской низменности. Л.М.ШАГАРОВ, И.В.БОРЕЛЬ

2843-2846 Гнездование сплюшки *Otus scops* в окрестностях Алматы (впервые найдена кладка из 9 яиц). В.Н.ДВОРЯНОВ

2846-2858 Трофические связи чайки-хохотуньи *Larus cachinnans* на Среднем Днепре. Н.С.АТАМАСЬ, С.А.ЛОПАРЕВ

2858-2862 Крупные хищные птицы Ремдовского заказника (Псковская область). В.Г.ПЧЕЛИНЦЕВ, М.В.СИДЕНКО

2862-2865 Материалы по врановым птицам Corvidae Приморского края. В.С.ЖУКОВ, Н.Н.БАЛАЦКИЙ

2866-2869 Сойка *Garrulus glandarius* в лесостепи северо-восточной Украины. Н.П.КНЫШ, В.Н.ГРИЩЕНКО, А.И.СТАТИВА

Редактор и издатель А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2015
Дата опубликования: 16 августа 2015

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXIV
Express-issue

2015 № 1176

CONTENTS

2837-2843 Dynamics of the number of herons Ardeidae on the Imereti lowland. L.M.SHAGAROV, I.V.BOREL

2843-2846 Nesting of the scops owl *Otus scops* around Almaty (first found clutch out of 9 eggs). V.N.DVORYANOV

2846-2858 Food of the Pontic gull *Larus cachinnans* in the Middle Dnieper. N.S.ATAMAS, S.A.LOPAREV

2858-2862 Large birds of prey in the Remda Reserve, Pskov Oblast. V.G.PCHELINTSEV, M.V.SIDENKO

2862-2865 Materials on corvids Corvidae of Primorsky Krai. V.S.ZHUKOV, N.N.BALATSKY

2866-2869 The Eurasian jay Garrulus glandarius in forest steppe of north-eastern Ukraine. N.P.KNYSH, V.N.GRISHCHENKO, A.I.STATIVA

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2015

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск ***1176****: 2837-2843*

Динамика населения цаплевых птиц Ardeidae на Имеретинской низменности

Л.М.Шагаров, И.В.Борель

Лев Мерабович Шагаров, *Ирина Витальевна Борель*. Природный орнитологический парк в Имеретинской низменности, ул. Ленина, д. 96, Сочи, 354340, Россия.
Email: lev049@mail.ru; ornitoparksochi@outlook.com

Поступила в редакцию 14 августа 2015

В условиях возрастающего антропогенного воздействия на природные комплексы становится актуальным оценка численности тех видов птиц, которые пока не внесены в Красные книги, но их состояние вызывает тревогу. К таковым относятся птицы семейства Ardeidae.

Из-за кардинальной антропогенной трансформации Имеретинской низменности изменились характер пребывания и численность многих видов птиц на этой территории. Благодаря работам таких орнитологов, как К.Б.Лауниц (1912), А.Е.Кудашев (1916) и П.А.Тильба (1989, 1990, 1999), возможно оценить состояние отдельных групп птиц в прошлом. Наиболее полная работа о птицах Имеретинской низменности, в которой проведены данные о численности птиц на этой низменности до строительства олимпийских объектов – это работа Петра Арнольдовича Тильба «Авифауна Имеретинской низменности» (1999). Кроме того, результаты многолетних исследований орнитофауны в доолимпийский период представлены в монографии «Природные комплексы Имеретинской низменности: биологическое разнообразие, созологическая значимость, рекомендации по сохранению» (Акатов и др. 2008). В данной статье приводится анализ сезонной динамики численности цаплевых птиц на Имеретинской низменности в 2014 году.

Регион и методика исследований

Исследования проводились в природном орнитологическом парке в Имеретинской низменности. Его территория состоит из 14 кластеров, представляющих собой небольшие анклавы в обширной и интенсивно эксплуатируемой в рекреационных и иных хозяйственных целях территории Имеретинской низменности и Нижнешиловского сельского округа (Шагаров, Борель 2015). В статью включены данные о цаплевых на 8 кластерах общей площадью 102.71 га, расположенных непосредственно на Имеретинской низменности. Ландшафт исследуемой территории представлен озёрами искусственного происхождения с пологими берегами и мелководьями; залежами и пустырями с травянистым покровом разной высоты; открытыми пространствами, чередующимися с заболоченными дренажными каналами, кустарниками, куртинами древесной растительности; а также парковой зоной с пешеходными дорожками и декоративными насаждениями.

Видовой и количественный состав авифауны выявлялся на протяжении всего 2014 года путём абсолютного учёта видового состава и численности птиц для каж-

дого кластера. В феврале и ноябре 2014 года проведено по 16 учётов; в январе, апреле, мае, сентябре и декабре – по 17; в марте, июне, июле и августе – по 18; в октябре – 19 учётов. Полученные результаты собраны в единую электронную базу данных и сопоставлены с материалами предыдущих исследований.

Результаты

На территории природного орнитологического парка в Имеретинской низменности зарегистрировано 9 видов птиц семейства Ardeidae. Из них один вид – волчок *Ixobrychus minutus* – предположительно гнездится на исследуемой территории. В предолимпийский период здесь отмечали 8 видов цаплевых (не было египетской цапли *Bubulcus ibis)*, из которых волчок характеризовался как очень редкий гнездящийся вид. Наибольшая численность и видовое разнообразие цаплевых птиц наблюдается во время весенних миграций, когда за одну экскурсию можно встретить более 100 особей 8 видов (рис. 1). Осенний пролёт менее выражен. Два вида цапель (серая *Ardea cinerea* и большая белая *Casmerodius albus)* зимуют на территории орнитологического парка. Летом численность и видовой состав цаплевых непостоянен, гнездование предполагается только для волчка.

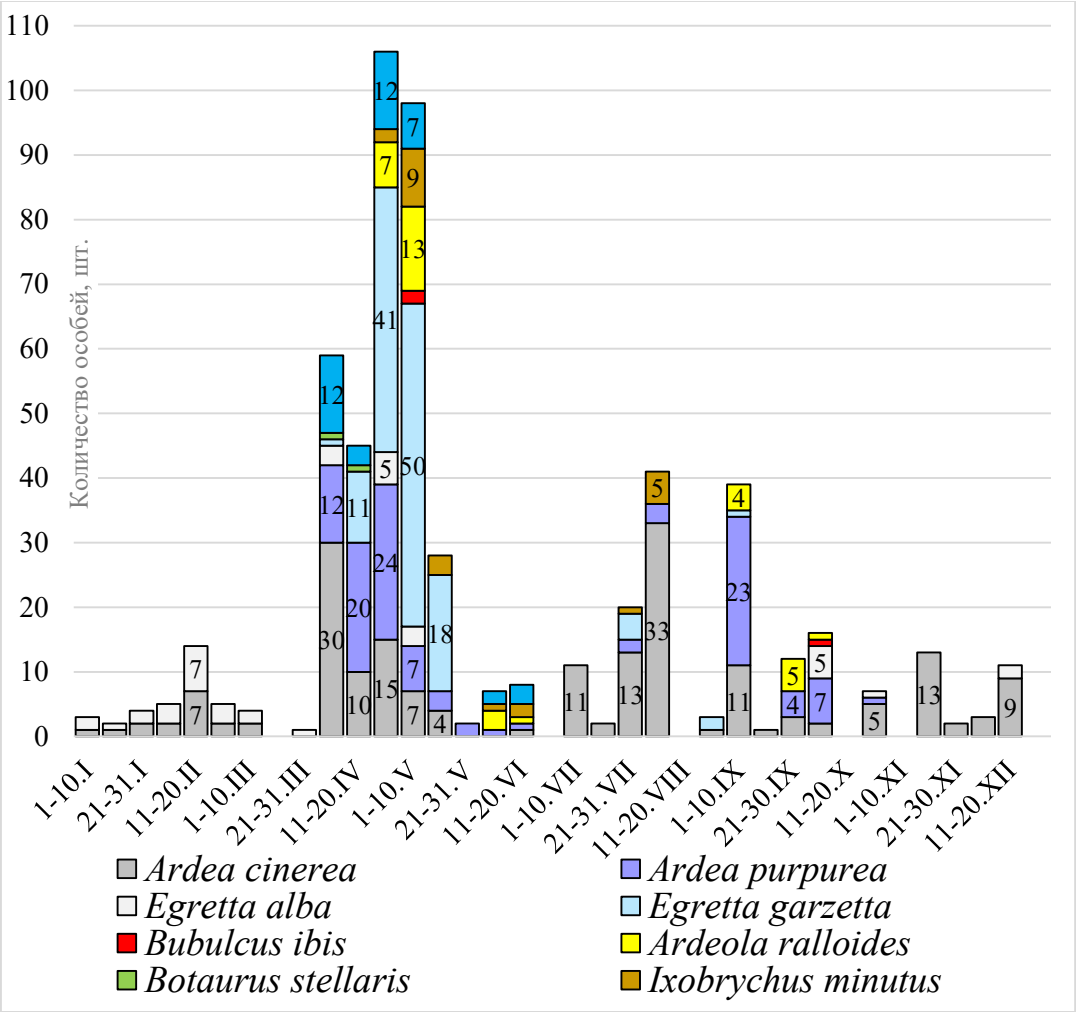


Рис.1. Динамика численности птиц семейства Ardeidae на Имеретинской низменности в 2014 году

Выпь *Botaurus stellaris*. Единичные особи встречаются во время весенних миграций (2, 11 апреля 2014) по берегам водоёмов с густыми зарослями кустарников и тростника. В предолимпийский период была редким, но регулярно зимующим и пролётным видом.

Волчок, или малая выпь *Ixobrychus minutus*. Предположительно гнездящийся вид (на основании встреч в весенне-летний период в подходящем для гнездования биотопе) и немногочисленный пролётный вид. В 2014 году появление волчка зарегистрировано 24 апреля. Во время весенней миграции птицы встречаются как на берегах водоёмов, поросших густыми кустарниками, так и на относительно открытых покрытых травой берегах. Летом малая выпь встречается только на берегах водоёмов с густыми кустарниками. Отсутствие регистраций волчка в конце июня – первой половине июля нельзя считать доказательством его отсутствия на исследуемой территории, учитывая скрытный образ жизни этой птицы. Вопрос о гнездовании волчка на Имеретинской низменности требует дальнейшего изучения.

Кваква *Nycticorax nycticorax*. Обычный вид во время весенних миграций. Кваквы образуют скопления в зарослях древесной растительности по берегам водоёмов. 28 марта 2013 наблюдалась стая из 34 особей, в 2014 году наблюдались скопления по 7-12 особей. Отдельные особи встречаются также на открытых (не заросших по берегам кустами и деревьями) озёрах природного парка. В 1980-1990-е годы на весенней миграции наблюдались стаи по 10-15 особей, в 2008 году кваква отмечена как редкий пролётный вид.

Жёлтая цапля *Ardeola ralloides*. Обычный пролётный вид. Держатся поодиночке или парами на берегах водоёмов. С середины апреля до середины мая и в первой половине июня 2014 года проходила весенняя миграция жёлтых цапель, в сентябре и начале октября – осенняя миграция. Картина пролёта схожа с наблюдавшейся в 1980-1990-е годы, но численность жёлтых цапель в 2014 году увеличилась по сравнению с 1999 и 2008 годами.

Египетская цапля *Bubulcus ibis*. Две египетские цапли *Bubulcus ibis* были зарегистрированы на открытом (не заросшем кустарниковой и древесной растительностью) берегу одного из озёр природного орнитологического парка 5 мая 2014 года. Птицы держались неподалёку от стаи малых белых цапель, однако смешанную стаю не образовывали. Во время осенней миграции одна египетская цапля была замечена на той же территории 6 и 7 октября 2014 года (Борель 2014). В 2015 году, 8 июня, здесь снова зарегистрирована египетская цапля. При нашем приближении она перелетела с берега озера на дерево (рис. 2).

Большая белая цапля *Casmerodius albus*. Немногочисленный вид на зимовке и пролёте. На весенней миграции встречи более регулярны. Зимующие особи в 2014 году отмечались с начала декабря,

наибольшая численность на зимовке зарегистрирована в первой декаде февраля. Численность больших белых цапель заметно меньше по сравнению с таковой в 1980-е и 1990-е годы, когда на Имеретинской низменности наблюдались скопления от 6-7 до 20 особей; во время инвентаризации орнитофауны в 2008 году *C. albus* отмечена как обычный пролётный и зимующий вид, а в 2014 году зимой и на пролёте удалось наблюдать лишь 2-7 особей за экскурсию.

Рис.2. Египетская цапля *Bubulcus ibis* на территории кластера №5 природного орнитологического парка в Имеретинской низменности. 8 июня 2015. Фото Л.М.Шагарова.

Малая белая цапля *Egretta garzetta*. Обычный вид на весеннем пролёте (с середины апреля до середины мая наблюдались скопления по 10-50 птиц). Отдельные особи встречаются также в период осенних миграций (в конце августа – начале сентября), а также в конце июля. Значительные скопления малой белой цапли наблюдались на берегах водоёмов природного парка. По сравнению с 1980-1990-ми годами численность этих птиц во время весенних миграций заметно увеличилась: тогда в разгар пролёта отмечались стаи по 6-8 особей, В составе орнитофауны Имеретинской низменности по состоянию на 2008 год *E. garzetta* также была отмечена как редкий пролётный и зимующий вид.

Серая цапля *Ardea cinerea*. Обычна, встречается круглогодично, однако численность в течение года непостоянна. В 2014 году больше всего серых цапель наблюдалась в апреле (весенний пролёт) и августе (начало осеннего пролёта). На зимовке немногочисленна, хотя встречается регулярно (практически на каждой экскурсии). Летом на озёрах

парка держатся, по-видимому, неразмножающиеся особи. Стоит отметить, что ранее серая цапля на Имеретинской низменности в летний период не наблюдалась. На кластерах парка, заросших густой естественной растительностью (озеро с зарослями деревьев и кустарников, болото) серые цапли образуют скопления до 30 особей, однако на открытых берегах озёр держатся поодиночке (рис. 3).

Рис.3. Серые цапли *Ardea cinerea* под дождём на сухом эвкалипте (кластер №2 парка в Имеретинской низменности). 6 августа 2014. Фото Л.М.Шагарова.

Рыжая цапля *Ardea purpurea*. Обычный пролётный вид (рис. 4). Пик весеннего пролёта в 2014 году наблюдался в апреле, осеннего – в сентябре. В это время рыжие цапли часто образуют стаи по 5-10 особей. Иногда держатся вместе с серыми цаплями. Отдельные особи встречались в начале июня, а затем в конце июля – начале августа. Похожая картина наблюдалась на Имеретинской низменности и в предолимпийский период, однако первые рыжие цапли на осеннем пролёте появлялись тогда только в конце августа.

Выводы

В целом данные исследования видового состава, численности и статуса пребывания цаплевых в 2014 году схожи с полученными во время исследований в 1981-1989 годах. Однако есть и некоторые отличия. В списке видов Имеретинской низменности появилась египетская цапля. Серой цапле можно присвоить статус круглогодично встречающейся, но не гнездящейся на данной территории (ранее этот вид не регистрировался в летние месяцы). Сократилась численность выпи, большой белой цапли и серой цапли. Численность кваквы, жёлтой, малой белой и рыжей цапель, напротив, увеличилась. Эти данные

Рис.4. Рыжая цапля *Ardea purpurea* на территории кластера №2 парка в Имеретинской низменности. 13 апреля 2015. Фото Л.М.Шагарова.

свидетельствуют, что, несмотря на значительную антропогенную трансформацию территории, Имеретинская низменность осталась важным местом зимовки и остановки цапель во время миграций, а кроме того, цапли используют озера природного орнитологического парка в качестве кормовых угодий летом.

Литература

Акатов В.В., Ескин Н.Б., Тильба П.А., Туниев Б.С. 2008. Рекомендации по сохранению природных объектов // *Природные комплексы Имеретинской низменности: биологическое разнообразие, созологическая значимость, рекомендации по сохранению*. Сочи; Майкоп: 87-90.

Борель И.В. 2014. Первая встреча египетской цапли *Bubulcus ibis* на Имеретинской низменности // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1063): 3347-3348.

Красная книга Краснодарского края (животные). 2007 / Адм. Краснодар. края: науч. ред. А.С.Замотайлов. 2-е изд. Краснодар: 1-504.

Красная книга Российской Федерации (животные). 2001. М.: 1-862.

Кудашев А.Е. 1916. Предварительный список птиц, наблюдавшихся мною в Сочинском округе Черноморской губернии // *Орнитол. вестн.* 4: 229-239.

Кудашев А.Е. 1917. Предварительный список птиц, наблюдавшихся мною в Сочинском округе Черноморской губернии // *Орнитол. вестн.* 1: 20-36.

Лауниц К.Б. 1912. Материалы для орнитофауны Черноморского побережья Кавказа // *Птицеведение и птицеводство* **3**, 3/4: 1-40.

Тильба П.А. 1989. Изменение авифауны юго-восточной части Черноморского побережья Краснодарского края под воздействием антропогенных факторов // *Синантропизация животных Северного Кавказа*. Ставрополь: 85-87.

Тильба П.А. 1990. Зимняя орнитофауна низменностей Черноморского побережья Кавказа // *Тр. Тебердинского заповедника* **11**: 215-238.

Тильба П.А. 1999. Авифауна Имеретинской низменности. Сообщение 1. Неворобьиные // *Кавказ. орнитол. вестн.* **11**: 166-204.

Тильба П.А. 2000. Имеретинская низменность (КД-012) // *Ключевые орнитологические территории России. Ключевые орнитологические территории международного значения в Европейской России*. М, **1**: 1-336.

Тильба П.А. 2001. Авифауна Имеретинской низменности. Сообщение 2. Воробьинообразные // *Кавказ. орнитол. вестн.* **13**: 111-138.
Тильба П.А., Борель И.В., Шагаров Л.М. 2014. Современное состояние авифауны Имеретинской низменности // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1027): 2257-2266.
Шагаров Л.М., Борель И.В. 2015. Значение природного орнитологического парка в Имеретинской низменности для мигрирующих и зимующих птиц в постолимпийский период // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1144): 1743-1749.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1176**: 2843-2846*

Гнездование сплюшки *Otus scops* в окрестностях Алматы (впервые найдена кладка из 9 яиц)

В.Н.Дворянов

Владимир Николаевич Дворянов. Общество любителей птиц «Ремез», Алматы, Казахстан.
E-mail: dvorianov36052@mail.ru

Поступила в редакцию 13 августа 2015

В окрестностях Алматы сплюшка *Otus scops* обычная, местами многочисленная птица. Наиболее благоприятна для гнездования совок горностепная зона низкогорий Заилийского Алатау до высот 1500 м над уровенем моря, примыкающая к южной и юго-восточной окраине города. В этих местах часто встречаются старые дуплистые яблони. В низкогорьях к западу от города и на предгорной равнине, где за 160 лет существования современной Алматы (Верный, Алма-Ата) образовалась обширная зона культурных ландшафтов с многочисленными полезащитными лесополосами, где преобладают породы деревьев, на которых подходящие для сплюшек дупла образуются очень редко; поэтому большинство совок вынуждено гнездиться в менее комфортных и безопасных гнёздах сорок *Pica pica*.

При размещении в лесополосах и небольших рощицах культурного ландшафта скворечников с диаметром летка около 8 см и прочих подходящих по размерам гнездовых домиков, сплюшки занимают в разные годы от 70% до 100% из них. Оптимальное расстояние между такими гнездовьями 200-300 м. Вблизи населённых пунктов или отдельных строений в гнездовых домиках часто поселяются майны *Acridotheres tristis*, иногда галки *Corvus monedula*.

Будучи преимущественно насекомоядными и отчасти всеядными (они охотно едят листья одуванчика, клевер, мокрицу), сплюшки прилетают в окрестности Алматы сразу после полного схода снега и установления относительно тёплой, без ночных заморозков погоды. В по-

следнее время этот период приходится на первую декаду апреля, в 1990-е годы и в начале 2000-х годов – на вторую декаду апреля. В середине и в начале XX века первые крики сплюшек в Алма-Ате можно было услышать только в конце апреля – начале мая (Гаврин 1962). Такое месячное смещение сроков прилёта совки является одним из многочисленных косвенных свидетельств заметного потепления климата в Юго-Восточном Казахстане. Ранний прилёт сплюшки связан с поиском подходящих гнездовий и с охраной гнездовых территорий. К откладке яиц совки приступают только через месяц-полтора, во второй декаде мая, с тем, чтобы выкармливание птенцов пришлось на массовый вылет хрущей в июне и появление в большом количестве прямокрылых. Тёплая дождливая весна с богатым и высоким травостоем стимулируют совок на откладку 4-5, изредка 6 яиц. В засушливые годы, видимо неблагоприятные для прямокрылых, в большинстве кладок сплюшек было по 3-4 яйца. Из более 100 кладок, что мне доводилось видеть, только в одном случае кладка состояла из 7 яиц.

Рис. 1. Самка сплюшки *Otus scops* в летке гнездового домика с кладкой из 9 яиц. 15 июня 2015.

Весна 2015 года была на юго-востоке Казахстана, да и по всей Средней Азии, весьма сложной для насекомоядных птиц. В Алматы и на предгорных равнинах снег сошёл необычно рано, уже в конце февраля. И хотя дневные температуры стабильно держались всего лишь в пределах 5-10°С, бесснежье спровоцировало птиц на ранний прилёт. Первый крик сплюшки мне впервые удалось услышать 25 марта! А в ночь на 30 марта пошёл снег, и к утру его выпало местами до 35 см.

Температура опускалась до минус 10°С. 31 марта день был также пасмурным и холодным. Лишь 1 апреля заметно потеплело, и через 3 дня снег почти весь растаял. В дальнейшем погода установилась в пределах нормы: в апреле днём +15-20°, в мае +20-25°С. С апреля до середины июня часто шли дожди.

Рис. 2. Слева – кладка сплюшки *Otus scops* из 9 яиц. 15 июня 2015.
Справа – 9 птенцов в этом же гнезде. 30 июня 2015.

Рис. 3. Молодые сплюшки *Otus scops* из другого гнезда в возрасте 2 месяцев. 21 июля 2011.

После мартовской проверки 8 гнездовых домиков, развешанных по лесополосам и в карагачевой роще в 10 км западнее Алматы, следующая проверка была проведена в середине июня. К этому времени один

домик был кем-то сорван и унесён. Ещё один домик, как и в предыдущие 2 года, был пуст, возможно, сплюшки избегали его из-за невысокого расположения на берегу небольшой, но весной и летом весьма полноводной речки. В двух домиках, в которых сплюшки гнездились на протяжении последних 3 и 4 лет, совок тоже не оказалось. И только в 4 домиках они загнездились. 15 июня в двух из них было по 5 птенцов, старшим из которых было 5-7 дней. Ещё в одном – 3 птенца и 1 яйцо. А на дне четвёртого гнездового домика оказалось… 9 яиц!

Хозяйка гнезда позволила себя сфотографировать с расстояния 1 м, и только после того, как я приблизился ближе, улетела (рис. 1, 2). Кладка для нормы последних лет была запоздалой, примерно на 7-10 дней. Через неделю, 22 июня, в этом гнезде было 7 птенцов и 2 яйца, а ещё через неделю на свежей подстилке из зелёных крыльев кобылок сидели все 9 птенцов (рис. 2). При последней проверке 7 июля одного птенца не было, ещё один заметно отставал в росте и был явно слаб. Таким образом, несмотря на изобилие в этом году кобылок, саранчи и прочих прямокрылых, выкормить всех девятерых птенцов сплюшкам не удалось.

Литература

Гаврин В.Ф. 1962. Отряд Совы – Striges // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 708-779.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1176**: 2846-2858*

Трофические связи чайки-хохотуньи *Larus cachinnans* на Среднем Днепре

Н.С.Атамась, С.А.Лопарев

*Второе издание. Первая публикация в 2005**

При изучении экосистем территорий, как охраняемых природных, так и антропогенно преобразованных, и экологических связей видов в них приходится считаться с наличием видов, исторически не связанных с данной территорией, т.е. с более поздними переселенцами. В некоторых случаях они могут иметь высокую численность и занимать существенное место в цепях питания, почти всегда расширяя ареал благодаря прямому или косвенному воздействию человека. Примером подобного рода может быть чайка-хохотунья *Larus cachinnans* на водо-

* Атамась Н.С., Лопарев С.А. 2005. Трофические связи чайки-хохотуньи, *Larus cachinnans* (Laridae, Charadriiformes), на Среднем Днепре // Вестн. зоол. **39**, 2: 47-55.

хранилищах Среднего Днепра. Факт встраивания нового вида во вновь созданные и устоявшиеся экосистемы может иметь теоретический интерес и позволяет оценить экологическую пластичность вида.

Заселение Каневского водохранилища как типичного на Среднем Днепре, а также заселение Киевского и Кременчугского водохранилищ, и появившиеся здесь у хохотуньи новые экологические связи могут характеризовать её как устоявшийся элемент среднеднепровских экосистем. Наиболее важными в этом отношении являются трофические связи, состав кормов, способы кормодобывания, территории, на которых происходит кормёжка птиц отдельных колоний, направления кормовых разлётов, взаимодействия при кормёжке с другими видами и человеком. Успешность акклиматизации в новых районах в некоторой степени показывают скорость роста колоний, появление новых гнездовых поселений и успешность размножения.

Впервые описанная как отдельный вид ещё П.Палласом, чайка-хохотунья до последнего времени считалась одним из подвидов серебристой чайки *Larus argentatus*, причём форма, заселявшая причерноморские лиманы, иногда выделялась в подвид *L. a. ponticus* Stegmann, 1934 (Тимофеев-Ресовский, Штреземан 1959). Для обоих южных подвидов *(L. a. cachinans* и *L. a. ponticus)* в качестве их особенностей указывалась «способность заселять внутренние водоёмы», хотя реализовывалась эта возможность в основном в Казахстане и на солоноватых озёрах Кумо-Манычской впадины (Дементьев 1951). В пределах Украины распространение на гнездовании к северу от полосы причерноморских лиманов не отмечалось.

В последней четверти XX века происходила интенсивная экспансия чайки-хохотуньи *L. cachinans* в материковую часть Украины. Она заселяла новые для неё в топическом и трофическом отношении территории и встраивалась в новые экосистемы, в целом несвойственные этому приморскому виду, образовывая крупные (иногда до нескольких десятков и даже сотен пар) гнездовые колонии (Грищенко, Гаврилюк 1992; Гаврилюк, Грищенко 1996). В континентальной части Украины вдоль крупных рек, в основном вдоль Днепра, отмечался лишь пролёт «серебристых чаек» без уточнения подвидового статуса (Кістяківський 1957). Например, если при учётах миграции с июля до ноября на стационаре около Каневского заповедника до начала 1980-х годов серебристая чайка *L. argentatus* на пойменных участках появлялась лишь в период миграций в августе-сентябре и марте-апреле поодиночке или группами не более 10 особей и плотностью населения даже в этот период не более 1 ос./км^2, то со вселением хохотуньи в настоящее время пойменные острова являются местом кормёжки и отдыха сотенных стай в течение всего безлёдного периода при средней плотности в период кормёжки от 10 до 100 ос./км^2.

Питание и состав кормов чаек Северного Казахстана, Восточного и Западного Мурмана, Белого моря, западного Таймыра, побережий Чёрного и Азовского морей и Сиваша, а в последнее время в связи с освоением антропогенных кормов и в Крыму изучали многие исследователи (Іваненко 1938; Клименко 1950; Белопольский 1957; Герасимова 1965; Кречмар 1966; Бианки 1967; Самородов 1970; Костин 1983; Сиохин и др. 1988; Костин, Яковлев 1992; Краснов и др. 1995).

Значительно меньше работ посвящено собственно биотическим связям, характеру кормодобывания, поведению на кормёжке, особенностям выбора и изъятия добычи (Бородулина 1956; Сиохин и др. 1988; Бузун 1989; Ардамацкая 1992; Руденко 1992; Сиохин, Белашков 1992). В большинстве районов, исследованных этими авторами, чайки используют 1-2 группы массовых доступных кормов (птенцы и насекомые; грызуны и насекомые; рыба и литоральные беспозвоночные), всегда составляющих существенную часть рациона. Подобных исследований образовавшихся на Днепре группировок не проводилось. Пищевые связи форм серебристой чайки и хохотуньи и сравнение их с полученными нами данными явилось целью этого исследования.

Материал и методы

Предметом исследований были биотические, в первую очередь трофические, связи чайки-хохотуньи в Среднем Приднепровье. Выявляли состав питания по погадкам и визуальным наблюдениям кормящихся птиц, характер кормового поведения в разных ситуациях, направления и расстояния кормовых перемещений в гнездовой, миграционный и зимовочный периоды, взаимоотношения на кормёжке с другими видами (конкуренция, клептопаразитизм), наиболее часто используемые биотопы и особенности их эксплуатации. Учитывали также численность их скоплений в миграционный и зимовочный период на кормёжке, количество гнездовых пар и расположение колоний, использующих определённую территорию. В общей сложности проведено более 2200 ч наблюдений за кормовым поведением в разные сезоны года. Часть материала собирали с начала заселения водохранилищ, но основной массив данных получен с 1989-1992 до 2003 года. Для анализа питания взрослых и молодых самостоятельных птиц исследовали погадки гнездового (с мая по июнь) и послегнездового (с июля по октябрь) периодов. Погадки гнездового периода в количестве более 5.5 тыс. собирали в основном в колонии на дамбе маяка около города Канева и небольшое количество – в колонии около города Переяслав-Хмельницкого. Погадки негнездового периода (n = 128) собирали в основном в местах отдыха сразу после вспугивания крупных одновидовых групп хохотуньи (на берегозащитных сооружениях, косах, островах). При этом было найдено июльских – 52, августовских – 48, сентябрьских – 21, октябрьских – 7 погадок. Поскольку абсолютное большинство погадок содержат одну из групп кормов (остатки насекомых, шерсть и кости грызунов, перья и кости птиц, чешую и кости рыб либо элементы мусора при кормёжке на свалке), общий объём погадок был разделён пропорционально встречаемости этих групп. Для более детального анализа было пропорционально отобрана 651 погадка, из этой выборки кормовые объекты определяли до вида или реже до рода.

Результаты и обсуждение

Первые попытки гнездования на Каневском водохранилище (нерегулярные, неежегодные и со сменой мест колоний) отмечены в 1981-1985 годах. Выявлены гнёзда и пары со слаболётными молодыми птицами в районе Триполья, Ржищева и на ныне исчезнувшем острове в районе Змеиных островов. После 1986 года начались неудачные попытки гнездования отдельных пар, а с 1991 года – ежегодное гнездование на волнорезе Каневской ГЭС возле уже имеющейся колонии речной крачки *Sterna hirundo* (Грищенко, Гаврилюк 1992; Гаврилюк, Грищенко 1996). С 1987 по 1996 год от 2-10 пар в 1980-х до 40-60 пар в 1990-х гнездилось на ныне размытом острове в центре водохранилища на траверзе Переяслав-Хмельницкого. После перерыва с 2001 года новая колония отмечена в том же районе (в 4 км) в зарослях тростника (до 50 пар). Кроме этих мест, известно также гнездование (более 20 лет) на трипольском плёсе сначала на песчаном островке, затем (в разные годы) то на бетонной дамбе около ГРЭС, то на тростниковых островках в 3 км к северу. К югу от Канева на протяжении более 20 км русла Днепра колоний хохотуньи нет (в 1994-1999 и в 2001-2002 годах не обнаружено), но известно, что хохотунья гнездится к югу от Черкасс на Сулинском заливе Кременчугского водохранилища. По сообщениям Н.Клестова и Г.Гаврися, там гнездится от 20 до 180 пар, хотя до 1979 года наблюдались только стайки до 10-15 особей пролётных «серебристых чаек». Примерно в это же время произошло заселение Киевского водохранилища, в основном в прилегающей к Чернобылю части (по сообщениям В.Мельничук и А.Микитюка). Здесь к середине 1980-х годов гнездилось до 200 пар. Таким образом, участки водохранилищ Среднего Днепра сейчас достаточно плотно заселены хохотуньей. Учитывая известный из литературы радиус разлёта за кормом и определённый нами радиус кормовых перемещений (как от уединённых гнездовых колоний, так и суточных перемещений во время зимовки), эти участки полностью контролируются видом как кормовые территории (Самородов 1970). Во всех случаях основная масса чаек из скоплений кормится в пределах 10-25 км и реже до 40 км. Центрами скоплений являются гнездовые колонии с примыкающими к ним «клубами» либо ночёвки, приуроченные к наименее посещаемым местам, обычно без растительности, окружённые водой и всегда с хорошим обзором.

С конца 1980-х годов колонии хохотуньи начали появляться и вне долины Днепра, однако всегда – на участках, экологически сходных с водохранилищами. Это колонии на Микулинецких рыбоводных прудах к западу от Винницы, на прудах Станичнолуганского рыбхоза Луганской области и в ряде других мест. На всех этих участках, как и на водохранилищах, чайки для сбора корма предпочитают долину и пойму

реки, пруды, болота и открытые пространства агроландшафтов, прилегающие к системам прудов.

Успешность размножения вида в континентальной части Украины специально не изучалась, но в июне численность подростков и пуховичков на колониях примерно такая же или несколько выше, чем взрослых, а в июле-августе среди стай на водохранилищах доля лётного молодняка этого года – около 45%. Катастрофической гибели от болезней, недоедания или метеоусловий не наблюдалось. Несмотря на кормёжку на рыбоводных прудах, пока конфликтов с рыбным хозяйством нет, и массового разорения колоний не отмечается.

Кормовые разлёты Каневской колонии зарегистрированы как вверх, так и вниз по долине Днепра, по водохранилищу вдоль фарватера и вдоль обоих берегов. Чайка чаще контролирует волноприбойный берег. По июльским и августовским учётам соотношение патрулирующих и кормящихся птиц на волноприбойном берегу, над акваторией и на подветренном берегу равно 8:1:1. Также часто наблюдаются вылеты за пределы долины Днепра и водохранилища, хотя контролировать перемещение на кормёжку таких групп сложнее. В послегнездовой период центрами активности вида становятся места массового отдыха и ночёвки, расположенные обычно на малопосещаемых косах и островах. Из этих мест хохотуньи вылетают на кормёжку, распределяясь примерно так же, как и в гнездовой период. Поскольку расстояние между такими центрами не менее 20-30 км, почти всегда легко определить, к какой из групп принадлежат кормящиеся птицы.

Формирование зимовок чайковых, приуроченных к крупным городам и не замерзающим в них участкам рек, происходило в основном с середины 1980-х годов, хотя отдельные особи зимовали и ранее (Лопарев, Клестов 1984). К концу 1980-х годов только в Киеве зимовало более 3000 чаек. С зимы 1984/85 года и до настоящего времени зимуют в разные годы от 1200 до 2300 чаек из группы «серебристых». Практически все взрослые особи – это чайки-хохотуньи *L. cachinnans*, и только от 5-7 до 20-30 особей в разные годы представлены некрупными темноспинными формами северного типа, ранее обозначавшимися как *«heuglini»*, *«antelius»*, *«taimyrensis»*, *«omissus»* (Тимофеев-Ресовский, Штреземан 1959). Сейчас эти формы входят в группу восточных клуш *L. heuglini* (Степанян 2003). В некоторые годы могут присутствовать единичные *L. a. argentatus*, определяемые по темноватой пёстрой голове. Зимующие и пролётные хохотуньи, а также примыкающие к ним осенью и зимой серебристые чайки и восточные клуши часто посещают свалки (на киевской – до 3 тыс. одновременно). Но в гнездовой период численность хохотуньи на свалках низка. Часто чаек наблюдают над полями и на полях, где стайки и стаи могут достигать 50 особей, хотя чаще не превышают 10-20, и обычны группы из 3-6 птиц. Чаще всего

чайки посещают поля в период пахоты (апрель-август-сентябрь), уборки трав на зелёную массу (май-июль) и уборки хлебов (июль-август), хотя на убранных хлебных полях, по сравнению с кормовыми травами, особенно во время пахоты, чайки бывают реже. Визуальный поиск и добычу корма хохотуньи производят как с низкого полёта, так и при поиске пешком. Поиск в полёте отмечен также над лугами и вдоль степных склонов оврагов. В некоторых случаях отмечались скопления около животноводческих комплексов. Постоянно, хотя и малыми группами, хохотуньи посещают все рыбоводные пруды, в том числе расположенные за 30-40 км от крупных колоний на Роси, Росаве и даже Супое. Во всех этих районах колоний и даже постоянных мест отдыха и ночёвок зарегистрировано не было. Скопления на рыбоводных прудах или около них группами более чем по 10-15 особей редки и наблюдаются только в период распада льда и осеннего спуска прудов.

Чаще всего охотничье-поисковые полёты проходят над водой, а на водохранилищах – и вдоль береговой линии. Некрупная добыча берётся и проглатывается на лету, особенно в присутствии других чаек. Более крупная поедается на плаву или разделывается на берегу. Крупная падаль потребляется очень часто на плаву и фрагментарно. Активно и полностью утилизируются отходы разделки рыбы около промысловых станов и у рыболовов-любителей (головы, потроха). Чайка доедает также остатки после трапез орлана-белохвоста *Haliaeetus albicilla* и выдры *Lutra lutra*. Неоднократно отмечена неспособность хохотуний поймать живую рыбу даже в условиях некрупных и неглубоких луж. Активная охота в основном на мелкую добычу (уклейка, тюлька, бычки) может происходить на мелководьях и на открытой воде, чаще всего при взаимодействии с охотящимися окунями или жерехами.

Существенным элементом кормового поведения, чаще проявляющимся в зимний период, является клептопаразитизм. Хотя по частоте его проявлений днепровские хохотуньи значительно уступают мурманским и европейским серебристым чайкам, этот приём позволяет им питаться объектами, самостоятельная добыча которых затруднена. Летом отмечено отбирание еды у озёрной *Larus ridibundus* и сизой *L. canus* чаек, серой вороны *Corvus cornix*, галки *Corvus monedula* и сороки *Pica pica*. В отдельных случаях наблюдались попытки отбить добычу у чёрного коршуна *Milvus migrans*, серой цапли *Ardea cinerea*, ворона *Corvus corax* и орлана-белохвоста. Крупной падалью чайки питаются в основном после орлана-белохвоста, во́рона и изредка цапли. Крайне редки попытки отобрать рыбу у только что вынырнувшего большого баклана *Phalacrocorax carbo*. Основной элемент клептопаразитизма в гнездовой и кочевой периоды – использование добычи, найденной особями своего вида. При этом чаще всего взрослые птицы отбирают корм у молодых, а те в свою очередь у птенцов, хотя возможно и обратное.

Зимой случаи клептопаразитизма часто наблюдаются на свалках. Хохотунья легко отбирает добычу у серой вороны, грача *Corvus frugilegus*, сизой и озёрной чаек. Возможно, в связи с этим в последние годы зафиксировано уменьшение участия этих видов чаек в кормящихся на свалках группах.

Основу питания хохотуньи в гнездовой период на водохранилищах составляют позвоночные животные, относящиеся к 7 классам, 13 отрядам, 52 видам. При этом беспозвоночные и корма антропогенного происхождения составляют менее 19% общего количества. Среди добываемых позвоночных наибольшую часть составляет рыба. Из наземных на первом месте стоят млекопитающие, в частности мышевидные грызуны. Распределение кормов хохотуньи в гнездовой период следующее: рыба – 54.5%, млекопитающие – 26.7%, беспозвоночные – 16.9%, птицы – 0.75%, антропогенные корма – 1%.

Анализ спектра кормов хохотуньи показывает, что рыба, входящая в его состав, характеризуется большим видовым разнообразием. В погадках найдены представители 20 видов, обитающие в днепровских водохранилищах. Наибольшую часть составляют плотва *Rutilus rutilus* и судак *Shisostedion lucioperca*. При этом около четверти всей плотвы длиннее 24 см. Рыба такого размера не может быть поймана чайкой самостоятельно. Плотва при попадании в ставные рыбацкие сети быстро портится. Рыбаки просто выбрасывают таких рыб, после чего птица подбирает мёртвую плотву на берегу и с поверхности воды. Так же добывается и бо́льшая часть судака. Для него характерна охота на мелководье по вечерам. Здесь он часто погибает утром от недостатка кислорода в дни интенсивного «цветения» сине-зелёных водорослей или после спуска воды в водохранилище. Таким же образом в рацион хохотуньи попадает и часть ершей *Gymnocephalus cernuus*, носарей *Gymnocephalus acerinus* и окуней *Perca fluviatilis*, также весьма чувствительных к недостатку кислорода. Кроме того, окунь может добываться чайкой во время его охоты на мальков под поверхностью воды.

Значительную часть рыбы в рационе составляет чехонь *Pelecus cultratus*. Она весьма неустойчива к заморным явлениям и, кроме того, часто скапливается летом в нижнем бьефе, где погибает в результате работы ГЭС. Поэтому бо́льшая часть съеденной хохотуньей чехони – мёртвые особи, хотя не исключено и активное добывание живой рыбы.

Значительная часть лещей *Abramis brama*, представленного в рационе чайки, вероятно, была заражена лигулой *Ligula intestinalis* и выловлена чайкой с поверхности воды. Это подтверждает тот факт, что найденные в погадках особи имеют среднюю длину около 20 см (в возрасте 2 лет). Именно эта возрастная группа заражённых лещей летом появляется на поверхности, где легко становится добычей хищников, в том числе и хохотуньи. Более крупные особи, заражённые лигулой (до

40-60 см длиной), чайке практически недоступны, хотя иногда имеют следы многочисленных попыток нападения (характерные повреждения чешуи и травмы спины).

Доля в питании чайки сазана и карпа *Cyprinus carpio*, которые в подавляющем большинстве случаев остеологически неразличимы, составляет 6%. Количество особей этого вида в промысловых уловах на акватории водохранилища постоянно падает. Поэтому, возможно, все молодые сазаны и карпы изымаются хохотуньей из прудов рыборазводных хозяйств, где часто гибнут от заболеваний при уплотнённой посадке. Там же добывается и значительная часть серебряного карася *Carassius auratus*, который является дополнительным или сорным видом в прудах рыбхозов, а в водохранилищах встречается заметно реже.

Размеры зафиксированных в питании хохотуньи особей толстолобика (обычно больше 40 см, а в некоторых случаях более метра) свидетельствуют о том, что эта рыба всегда подбирается как падаль. Она часто погибает при залповых сбросах воды на ГЭС от гидроудара, в турбинах, а также на местах скоплений от браконьерских орудий лова. Белый *Hypophthalmichthys molitrix* и пёстрый *H. nobilis* толстолобики трудно различимы по фрагментам костей в погадках; при осмотре погибших на водохранилище и в промысловых уловах выявлено до 80% гибридов с преобладанием морфологических черт *H. nobilis*. Поэтому остатки толстолобиков мы объединяем при анализе соотношения рыб в таблице 1.

Таблица 1. Соотношение видов рыб в рационе хохотуньи *Larus cachinnans*

Вид	Остатки, %
Плотва *Rutilus rutilus*	23.8
Судак *Shisostedion lucioperca*	11.8
Чехонь *Pelecus cultratus*	7.2
Карп *Cyprinus carpio*	6
Густера *Blicca bjorkna*	5.7
Толстолобик пёстрый *Hypophthalmichthys nobilis* и др.	5.2
Лещ *Abramis brama**	4.9
Серебряный карась *Carassius auratus*	4.6
Окунь *Perca fluviatilis*	4.6
Рыбы рода ельцов *Leuciscus* sp.	3.7
Рыбы рода ершей *Gymnocephalus* sp.	1.7
Уклейка *Alburnus alburnus*	1.4
Краснопёрка *Scardinius erythrophtalmus*	0.6
Белый амур *Ctenopharyngodon idella*	0.6
Жерех *Aspius aspius*	0.6
Линь *Tinca tinca*	0.3
Щука *Esox lucius*	0.3
Карповые Cyprinidae	14.6
Окуневые Percidae	1.7

* Возможна очень малая доля синца *Abramis balerus* и белоглазки *Abramis sapa*.

Одним из традиционных кормов крупных представителей рода *Larus* во многих районах являются мелкие млекопитающие, в особенности мышевидные грызуны и в какой-то степени насекомоядные. На данной территории наибольшее значение в рационе имеет такой массовый вид, как полёвка серая *Microtus arvalis*. Это типичный обитатель агроландшафтов. Остальные виды, встречающиеся в питании, населяют луго-степные сообщества, поля многолетних трав, опушки, заросли кустарников, влажные околоводные биотопы. Хохотунья активно охотится на них, но может также подбирать мёртвых особей. Соотношение разных видов млекопитающих в рационе следующее: серая полёвка – 70.6%, домовая мышь *Mus musculus* – 9,3%, полевая мышь *Apodemus agrarius* – 4%, обыкновенная лесная мышь *Sylvaemus sylvaticus* – 4%, обыкновенный крот *Talpa europaea* – 4%, серый хомячок *Cricetulus migratorius* – 3,1%, обыкновенный хомяк *Cricetus cricetus* – 1.6%.

Видовое разнообразие кормовых объектов весьма значительно: 9 видов грызунов Rodentia и 2 вида насекомоядных Insectivora. Помимо представителей указанных выше видов в погадках единично встречаются обыкновенные бурозубки *Sorex araneus*, рыжие полёвки *Clethrionomys glareolus*, мышовки *Sisicta* sp., малые лесные мыши *Sylvaemus uralensis*. Некоторые виды грызунов, найденные в погадках, встречены для данного региона впервые или после почти полувекового отсутствия (Атамась 2002).

Птицы довольно редко встречаются в погадках в качестве кормового объекта. По большей части это слётки и птенцы таких околоводных видов, как белая трясогузка *Motacilla alba*, береговушка *Riparia riparia*, чирок-трескунок *Anas querquedula*. Попадается также полевой воробей *Passer montanus*, скворец *Sturnus vulgaris*, городская ласточка *Delichon urbica*, стриж *Apus apus*, мелкие воробьиные и кулики. Большинство этих птиц, а также птенцы своего вида, не умерщвляются во время активной охоты, а подбираются как падаль. Значительное количество птенцов хохотуньи погибает, заклёванные на колонии взрослыми особями в результате действия фактора беспокойства.

Из других наземных позвоночных единичными экземплярами представлены лягушки *Rana* sp. и ящерицы *Lacerta* sp.

Беспозвоночные в рационе хохотуньи представлены в основном насекомыми Insecta. Такие кормовые объекты, как дождевые черви Lumbricidae и раки *Astacus* sp., встречены в единичных случаях и не играют большой роли в питании. Чайки, по-видимому, подбирают мёртвых раков на урезе воды, а дождевых червей собирают с поверхности почвы, например на полях.

Неоднократно отмечена охота на летающих насекомых, особенно в августе, всегда совместно с другими видами чаек и крачек, но на глаз

заметна меньшая эффективность такой охоты по сравнению с мелкими видами чайковых. Среди насекомых были единично встречены взрослые представители отряда Odonata, а также личинки и имаго представителей отряда Coleoptera. Среди последних наиболее полно представлено семейство Scarabaeidae: кукурузный навозник *Pentodon idiota*, хлебный жук-кузька *Anisoplia austriaca*, садовый хрущик *Phyllopertha hotcola*, майский хрущ западный *Melolontha melolontha*, металлический кузька *Anomala dubia*. Встречаются также свекловичный долгоносик *Bothynoderes punctiventris* и жуки двух видов Carabidae, один из которых –зерновая волосистая жужелица *Pseudoophonus rufipes*.

Чаще всего в погадках встречается западный майский хрущ (имаго и личинки). Однако в сборах лета 2000 года часто присутствуют также имаго свекловичного долгоносика. Доля других видов составляет около 40% и примерно постоянна из года в год. Все они населяют открытые пространства лесостепной зоны и в той или иной мере являются вредителями сельского хозяйства, связанными в жизненном цикле с агроландшафтами. Наибольшее число этих насекомых найдено в погадках чаек в июне, то есть во время массовых лётов. Весной же чайка собирает насекомых и их личинок с поверхности земли на полях.

Беспозвоночные вообще и насекомые в частности не играют значительной роли в питании чаек водохранилища ни в один из периодов их годового цикла в отличие, например, от сивашской популяции хохотуньи (Сиохин и др. 1988). У птиц каневской популяции, по-видимому, отсутствуют поведенческие механизмы, позволяющие успешно использовать в питании беспозвоночных, например ракообразных и двустворчатых моллюсков, в качестве кормовых объектов. Насекомые же зачастую в силу массовости и доступности используются как дополнительный корм.

Корма антропогенного происхождения в гнездовой период составляют в питании хохотуньи всего 1%, что можно объяснить, помимо всего прочего, плохой сохранностью таких кормов в погадках. Свалочный тип питания появляется у чаек тогда, когда плотность популяции достигает такой отметки, что птицы начинают нуждаться в дополнительных кормах помимо естественных. Плотность чаек на колониях водохранилищ такова, что может поддерживаться в основном за счёт природных кормов. Но даже корма, добываемые на свалках, представляют собой заменители естественных позвоночных кормовых объектов: остатки домашней птицы и кроликов, копчёная рыба (например, скумбрия) и т.д. Различного рода верёвки, куски полиэтилена, спички и т.п., скорее всего, попадают в погадки случайно вместе с пищевыми объектами.

В летне-осенний период распределение кормов в погадках сходно с таковым в гнездовой период, но с ещё бо́льшим доминированием рыбы (в 86.3% образцов). В связи с меньшим количеством летне-осенних по-

гадок мы учитываем все встречи объектов, в том числе наличие в одной погадке разных компонентов. Насекомые (жуки, их личинки, саранчовые и уховёртка) в этот период составляют 3.3% встреч, млекопитающие (мелкие грызуны, в том числе одна крыса *Rattus* sp.) – 6.3%, птицы (стриж, мелкие воробьиные и др.) – 6.2%. Остальные (узкопалый рак *Astacus leptodactylus*, лягушка *Rana* sp., шерсть крупной падали) – 3% встреч. Из рыб чаще других встречаются плотва, лещ, толстолобики, карась, карп, чехонь, окунь, судак.

Таким образом, чайки на Среднем Днепре успешно используют кормовые объекты, скопления которых во многих случаях возникают при непосредственном воздействии человека, благодаря адаптации к использованию таких скоплений как в естественных, так и антропогенно преобразованных экосистемах. Хохотунья выступает здесь в качестве падальщика-собирателя и морфологически неспециализированного охотника, хищничающего за счёт поведенческих приспособлений. Как и в других районах ареала, это в первую очередь потребитель, специально отыскивающий (длительный поисковый полёт) места концентрации разных групп животных кормов. При этом набор кормовых организмов и их сезонная специфика отличают данную гнездовую группировку от всех известных в литературе популяций серебристых чаек и хохотуний.

Хохотунья занимает экологическую нишу, которая в сходных околоводных биотопах принадлежит чёрному коршуну, орлану-белохвосту и серой вороне. Это косвенно подтверждается данными Н.Клестова (1983) о том, что в 1980-х годах, до массового появления на водохранилищах хохотуньи и образования её постоянной группировки, значительно выросла численность серой вороны и серой цапли. Но первый вид не мог эффективно использовать кормовой потенциал воды и водной поверхности, а второй – наземных биотопов.

Из всех групп кормов хохотунья отдаёт предпочтение наиболее массовым, а среди кормодобывающих стратегий – не требующим научения и высокой специализации. Это свидетельствует о том, что в исследуемой группировке имеет место сравнительно низкий уровень меж- и внутривидовой конкуренции и слабо выражены обратные связи.

В настоящее время при имеющейся численности (на Каневском водохранилище около 400 гнездовых пар и более 500 негнездовых птиц) конфликтов с рыбным хозяйством человека пока нет, но при увеличении численности и переходе на другие способы питания они возможны. При такой численности, несмотря на высокую плотность кормящихся и особенно отдыхающих в пределах заповедной территории птиц, их воздействия на экосистемы заповедных островов, по-видимому, минимальны, поскольку кормовые объекты, добываемые здесь, являются элементами водной экосистемы Днепра и водохранилищ.

Выражаем признательность за помощь в сборе и определении материала Л.Кобзарь, И.Загороднюку, А.Кононко, А.Еременко.

Литература

Ардамацкая Т.Б. 1992. Роль чайки-хохотуньи в формировании островных орнитокомплексов Черноморского заповедника // *Серебристая чайка*. Ставрополь: 92-94.

Атамась Н.С. 2002. Використання пелеток птахів родини Laridae під час вивчення мікротеріофауни // *Вісн. Львів. ун-ту*. Сер. біол. 30: 3-7.

Белопольский А.О. 1957. *Экология морских колониальных птиц Баренцева моря*. М.; Л.: 1-361.

Бианки В.В. 1967. Кулики, чайки и чистиковые Кандалакшского залива // *Тр. Кандалакшского заповедника* **6**: 155-167.

Бородулина Т.Л. 1956. *Биология и хозяйственное значение чайковых птиц южных водоёмов СССР*. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.: 1-15.

Бузун В.А. (1989) 2014. Некрофагия, хищничество, клептопаразитизм: развитие и взаимосвязь трофических стратегий у серебристой чайки *Larus argentatus* // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1071): 3642-3655.

Гаврилюк М.Н., Грищенко В.Н. 1996. До екологіі жовтоногого мартина у Канівському Придніпров'ї // *Матеріали 2 конф. молодих орнітологів України*. Чернівці: 29-34.

Герасимова Т.Д. 1965. Питание чаек Мурманского побережья // *Рыбоядные птицы и их значение в рыбном хозяйстве*. М.: 194-209.

Грищенко В.М., Гаврилюк М.Н. 1992. Нове місце гніздування мартина сріблястого на Середньому Дніпрі // *Беркут* **1**: 89.

Дементьев Г.П. 1951. Отряд чайки Lari или Lariformes // *Птицы Советского Союза*. М., **3**: 373-603.

Іваненко І.Д. 1936. Біологія і сільськогосподарське значения чайки-реготухи // *Зб. наук. пр. Азовсько- Сивашського заповідника:* 109-130.

Кістяківський О.Б. 1957. *Птахи*. Київ: 1-432.

Клестов Н.Л. 1983. *Орнитофауна среднего Днепра и её изменение под влиянием гидростроительства*. Дис. ... канд. биол. наук. Киев: 1-183 (рукопись).

Клименко М.И. 1950. К экологии чайковых северного черноморского побережья // *Тр. Черноморского заповедника* **1**: 56-57.

Костин С.Ю, Яковлев В.А. 1992. Питание серебристой чайки на свалках Крыма // *Серебристая чайка*. Ставрополь: 120-123.

Костин Ю.В. 1983. *Птицы Крыма*. М.: 1-224.

Краснов Ю.В., Матишов Г.Г., Галактионов К.В., Савинова Т.Н. 1995. *Морские колониальные птицы Мурмана*. СПб.: 1-224.

Кречмар А. В. 1966. Птицы западного Таймыра // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **39**: 185-312.

Лопарев С.А. Клестов Н.Л. 1984. Зимующие водоплавающие и околоводные птицы урбанизированых ландшафтов Украины // *Птицы и урбанизированный ландшафт: Материалы 10-го Всесоюз. совещ. по птицам урбанизированных ландшафтов*. Каунас: 113-115.

Руденко А.Г. 1992. Взаимосвязь между долей пищевых отходов в питании хохотуньи, весом взрослых птиц и успехом размножения // *Серебристая чайка*. Ставрополь: 126-129.

Самородов Ю.А. 1970. Биология и экология чайки-хохотуньи, гнездящейся в Северном Казахстане // *Вестн. Моск. ун-та*. Сер. 6. 6: 26-27.

Сиохин В.Д., Белашков И.Д. 1992. Трофические связи серебристых чаек на юге Украины и их воздействие на водные и наземные экосистемы // *Серебристая чайка*. Ставрополь: 96-98.

Сиохин В.Д., Черниченко И.И., Ардамацкая Т.Б. и др. 1988. *Колониальные гидрофильные птицы юга Украины*. Киев: 1-178.

Степанян Л.С. 2003. *Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области)*. М.: 1-808.
Тимофеев-Ресовский Н. В., Штреземан Э. 1959. Видообразование в цепи подвидов настоящих чаек группы серебристая – хохотунья – клуша // *Тр. Урал. отд. МОИП* **2**: 95-115.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск ***1176****: 2858-2862*

Крупные хищные птицы Ремдовского заказника (Псковская область)

В.Г.Пчелинцев, М.В.Сиденко

*Второе издание. Первая публикация в 2014**

Государственный природный зоологический заказник федерального значения «Ремдовский», входящий в состав Рамсарского водно-болотного угодья «Псковско-Чудская приозёрная низменность» (Авданин и др. 1998), имеет важное международное значение как место обитания водоплавающих и околоводных птиц. Кроме того, территория приозёрной низменности является местом гнездования многих редких видов хищных птиц, внесённых в Красные книги различных уровней.

Описание гнёзд и встреч с различными крупными хищными птицами приводится в работах орнитологов Псковского педагогического университета (Урядова, Васильев 1997; Васильев 1998; Урядова, Щеблыкина, Борисов 1999; Борисов и др. 2007) и Псковского полевого отряда Балтийского фонда природы Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей (Ильинский, Фетисов 1997; Ильинский, Фетисов 1998; Фетисов 2001).

С начала 2014 года в заказнике «Ремдовский» был активизирован поиск гнёзд крупных хищных птиц. В состав группы, кроме авторов этого сообщения, входили орнитологи, члены Эстонского орнитологического общества и «Kotkaklubi»†. Конечной целью поисковой экспедиции являлось составление базы данных гнёзд хищных птиц. В дальнейшем предполагается ведение мониторинга и индивидуального мечения птенцов этих видов.

В настоящее время в заказнике «Ремдовский» известны гнездовые участки как минимум 4 видов: орлана-белохвоста *Haliaeetus albicilla*,

* Пчелинцев В.Г., Сиденко М.В. 2014. Крупные хищные птицы Ремдовского государственного заказника, Псковская область // *Современные тенденции развития особо охраняемых природных территорий: Материалы научно-практической конференции, посвящённой 20-летию Государственного природного заповедника «Полистовский»*. Великие Луки: 135-141.

† URL: http://seb-park.ru/news/3-7032014. html; URL:http://www. poozerie.ru/news/news_612.html

скопы *Pandion haliaetus*, беркута *Aquila chrysaetos*, подорлика (вероятнее всего, большого *Aquila clanga).*

Орлан-белохвост на восточном побережье Псковско-Чудского озера находит для себя весьма привлекательные места обитания. Это обусловлено чередованием обширных болот и лесных массивов, отсутствием фактора беспокойства и богатой кормовой базой.

Во время весенних пеших маршрутных учётов С.Н.Васильев (1998) в 1996 году встретил 5, а в 1997 – 4 особей орлана-белохвоста. В пересчёте на 10 км маршрута – соответственно 0.5 и 0.2 ос./10 км. Из 10 видов хищных птиц, зарегистрированных этим автором в течение двух гнездовых сезонов, орлан-белохвост не был самым многочисленным.

По данным С.А.Фетисова с соавторами (1999), на восточном побережье Псковского и Тёплого озёр на рубеже XX и XXIстолетий, возможно, гнездилось 3 пары орлана-белохвоста. По мнению В.В.Борисова с соавторами (2007), Псковско-Чудское озеро в период размножения является одним из главных мест обитания этого вида на территории Псковской области. По оценке, приводимой в этой публикации, численность орлана-белохвоста на Псковско-Чудской приозёрной низменности гораздо выше, чем численность скопы и, видимо, в последние десятилетия существенно увеличивается.

На начало 2014 года имелись сведения о 4 жилых и 1 нежилом гнёздах орлана-белохвоста на территории заказника. Гнёзда, расположенные на берегу реки Желчи, на побережье Тёплого озера неподалёку от устья реки Самолвы находятся в 7.7 км и 1.1 км от озера, соответственно. Гнезда орлана, расположенные возле грядово-мочажинного комплекса в болотном массиве Чистый Мох, находятся на удалении 14-15 км до Псковско-Чудского озера.

По словам госинспекторов Ремдовского заказника А.В.Васильева, В.М.Сафронова (устн. сообщ.), имеются ещё гнёзда орланов: на острове Старый Мтеж, в районе деревни Казаковец, в устье реки Желчи на её правом берегу, между озёрами Березно и Большое Орлово. От последнего гнезда до Чудского озера более 25 км.

Во время поисков гнёзд, осуществлённых российско-эстонской командой в марте 2014 года, были обнаружено 5 гнёзд орлана. Одно было частично разрушено и не исключено, что в нём в настоящее время не происходит размножения. Гнёзда были обнаружены в непосредственной близости от Псковско-Чудского озера, южнее реки Ровьи, в окрестностях и на самом болоте Чистый Мох.

Кроме гнёзд, отмечено несколько мест, где регулярно держались взрослые орланы-белохвосты. Учитывая, что время проведения поисковой экспедиции пришлось на тот срок, когда гнездящиеся пары уже находятся на своих гнездовых участках, вероятно, в этих местах будут обнаружены в дальнейшем гнёзда. Всего, по нашим расчётам, в Рем-

довском заказнике гнездится не менее 12-14 пар орлана-белохвоста.

Скопа на побережье Псковско-Чудского озера на рубеже XIX и XX веков была немногочисленной птицей. С.А.Фетисов (2001) подробно описал имеющиеся в литературе сведения об этом виде на территории водно-болотного угодья «Псковско-Чудская приозёрная низменность». Большинство авторов упоминают о скопе в период миграций. Правда, Н.А.Зарудный (1910) пишет, что отдельные пары гнездились кое-где вокруг Псковского озера, но редко и не ежегодно.

В 1996 и 1997 году на территории заказника С.Н.Васильев (1998) встречал 4 и 2 особи этого вида, соответственно. По оценке этого автора, скопа, возможно, регулярно гнездилась в заказнике в числе 1 или даже 2-3 пар. В конце 1990-х общая гнездовая численность скопы оценена в числе не менее 10-12 пар (Авданин и др. 1998). С.А.Фетисов (2001), который много и плодотворно экскурсировал по Псковско-Чудской приозёрной низменности, предполагал гнездование в заказнике не менее 8-9 пар. При этом он отмечал, что не были обследованы многие участки, где могли гнездиться эти птицы. На начало 2014 года в базе данных национального парка «Себежский» имелись сведения о 6 гнёздах скопы в заказнике «Ремдовский», заселённых в 2013 году и расположенных у озёр Белое, Чёртово, Осиновское.

Во время наших поисков в марте 2014 года были обнаружены ещё 9 гнёзд скопы. Из них 3 гнездовые постройки были частично разрушенными и в них, по крайней мере два года, не происходило размножения. Найденные жилые гнезда скопы располагались как раз в тех местах, которые С.А.Фетисов (2001) указывал как перспективные для обитания, но не обследованные им. В частности, это участки заказника и прилегающие к нему территории: в окрестностях болотного массива Чистый Мох и между озёр Велино, Плоткино и Долгое. По нашим оценкам, численность гнездовой группировки скопы в Ремдовском заказнике и в его ближайших окрестностях составляет не менее 12-15 пар.

Гнездование беркута в Ремдовском заказнике до последнего времени лишь предполагалось. Один из авторов (В.Г.Пчелинцев) в совместной экспедиции с С.А.Фетисовым и И.В.Ильинским в 1996 году участвовал в поисках гнёзд этого орла. Однако мест его гнездования не обнаружено и самих встреч с этим хищником не было. Позже, в июне 2001 года, С.А.Фетисов и В.Г.Пчелинцев наблюдали взрослого беркута в радиусе 2 км вокруг озера Зайчик в южной части Чистого Мха (Андреева и др. 2006). О нескольких встречах беркута в гнездовой период в окрестностях деревни Казаковец нам сообщал В.В.Борисов. Во время маршрутных учётов в 1996 и 1997 годах беркут не был встречен (Васильев 1998).

В марте 2014 года Гуннар Сейн, хорошо знающий особенности гнездования беркута в сходных биотопах в Эстонии, обнаружил 3 гнезда

этого вида. Все они принадлежат, скорее всего, одной паре. Одно из них не используется несколько лет и разрушено. Из целых гнёзд одно достоверно было активным в гнездовой сезон 2013 года. Под этим гнездом собрано много остатков добычи (тетеревиные птицы, заяц, серый журавль). Таким образом, в Ремдовском заказнике гнездится по крайней мере одна пара беркута. Основываясь на анализе космоснимков и картографической информации, мы предполагаем, что на территории заказника и в его ближайших окрестностях возможно гнездование ещё одной пары этого орла. Богатая кормовая база (постоянные встречи во время поисков гнёзд тетеревиных птиц), которую с удовлетворением и удивлением отмечали наши эстонские коллеги, может служить косвенным подтверждением этому.

О гнездовании большого подорлика на описываемой территории до сих пор не было известно. Возможно, это объясняется сложностью определения вида и его обитанием в местах, редко посещаемых людьми. Во время работ по поиску гнёзд хищных птиц в начале марта 2014 года мы нашли два гнезда, которые с большой долей вероятности определили как гнёзда подорликов. Участник нашей экспедиции эстонский орнитолог Юло Вяли, хорошо знакомый с образом жизни подорликов, согласился с нашим определением видовой принадлежности гнезда. Под одним из гнёзд, которое, несомненно, в прошлом году было жилым, мы собрали остатки добычи. Среди них были кости водяной полёвки и ондатры, перья большого пёстрого дятла, в непосредственной близости – перья желны.

Анализ картографического материалы и космоснимков территории заказника позволяют предположить наличие ещё нескольких гнездопригодных биотопов для этого вида.

Таким образом, по предварительным данным, основанным на результатах полевого обследования, опросных сведениях и анализе литературы, можно предположить, что на восточном побережье Псковско-Чудского озера в границах Ремдовского заказника гнездятся не менее 12-14 пар орлана- белохвоста, 12-15 пар скопы, по крайней мере 1 пара беркута и не менее 2 пар большого подорлика.

Литература

Авданин В.О., Розов Н.Г., Виноградов В.Г. 1998. Псковско-Чудская приозёрная низменность // *Водно-болотные угодья России*. М., **1**: 56-64.

Андреева Е.Н., Конечная Г.Ю., Фетисов С.А. 2006. Места находок в Рамсарском угодье редких и охраняемых в России и Эстонии видов растений и животных // *Рамсарское водно-болотное угодье «Псковско-Чудская приозёрная низменность»* (Псковские особо охраняемые природные территории федерального значения. Вып. 2). Псков: 340-363.

Борисов В.В., Урядова Л.П., Щеблыкина Л.С. 2007. Распределение некоторых видов хищных и рыбоядных птиц по побережью Псковско-Чудского озера // *Вест. Псков. пед. ун-та*. Сер. естеств. и физ.-мат. наук 2: 26-38.

Васильев С.Н. 1998. Материалы по хищным птицам Falconiformes заказника «Ремдовский» (Псковская область) // *Рус. орнитол. журн.* **7** (32): 19-22.

Зарудный Н.А. (1910) 2003. Птицы Псковской губернии // *Рус. орнитол. журн.* **12** (237): 1047-1066.

Ильинский И.В., Фетисов С.А. 1997. Материалы по летней орнитофауне проектируемой особо охраняемой природной территории «Псковско-Чудская приозёрная низменность» // *Охрана окружающей среды и устойчивое развитие в водосборном бассейне Псковско-Чудского озера. Материалы регион. экол. науч.-практ. конф.* Тарту: 18-19.

Ильинский И.В., Фетисов С.А. 1998. О видовом составе, характере пребывания и размещении птиц на восточном побережье Псковского озера и в дельте реки Великой летом 1995 года // *Тр. С.-Петерб. общ-ва естествоиспыт.* Сер. 6. **1**: 34-73.

Неронов Б.М. 1962. О применении метода регистрации встреч для относительного учёта хищных птиц // *Орнитология* **5**: 386-392.

Сиденко М.В. В Ремдовском заказнике стартовал Российско- Эстонский проект по изучению и охране хищных птиц. URLhttp:// seb-park.ru/news/3-7032014.html (дата обращения 20.03.2014).

Сиденко М.В. В рамках международного сотрудничества URL:http://www.poozerie.ru/news /news_612.html (дата обращения 12.03.2014).

Урядова Л.П., Васильев С.Н. 1997. Дневные хищные птицы на территории государственного заказника «Ремдовский» // *Северо-Запад России: проблемы экологии и устойчивого развития. Материалы международ. науч.-практ. конф.* Псков, **2**: 117-125.

Урядова Л.П., Щеблыкина Л.С., Борисов В.В. 1999. Видовой состав наземных позвоночных животных водно-болотного угодья «Псковско-Чудская приозёрная низменность» // *Проблемы и перспективы сбалансированного развития в бассейне Псковско-Чудского озера: Материалы международ. обществ.-науч. конф.* Псков, **2**: 147-155.

Фетисов С.А. 2001. Скопа *Pandion haliaetus* в водно-болотном угодье «Псковско-Чудская приозёрная низменность» // *Рус. орнитол. журн.* **10** (163): 892-891.

Фетисов С.А., Сагитов Р.А., Иванов С.Ю., Леонтьева А.В. (1999) 2014. Орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla* в Псковской области // *Рус. орнитол. журн.* **23** (963): 291-307.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1176**: 2862-2865*

Материалы по врановым птицам Corvidae Приморского края

В.С.Жуков, Н.Н.Балацкий

*Второе издание. Первая публикация в 2010**

Материалы собраны в Спасском районе Приморского края с 4 июня по 9 июля 2002. Наблюдения велись в основном в окрестностях детского оздоровительного центра (ДОЦ), расположенного примерно в 3 км от посёлка Калиновка (44°38' с.ш., 132°58' в.д.). Здесь мы совершали от

* Жуков В.С., Балацкий Н.Н. 2010. Материалы по врановым птицам Приморского края // *Врановые птицы Северной Евразии*. Омск: 59-61.

1 до 3 экскурсий почти каждый день, когда позволяла погода. Некоторые наблюдения проведены также в городе Спасск-Дальний и его окрестностях, в основном во время приезда и отъезда. Деревня Калиновка находится в 10 км к юго-востоку от Спасска-Дальнего, около северо-западного макросклона Синего хребта. Примерно в 6-7 км к юго-западу, около деревни Вишнёвка, расположен пруд, образовавшийся в результате запруды малой речки Вишнёвки (Вишнёвский пруд). В этой местности преобладают дальневосточные широколиственно-лесные типы и подтипы ландшафтов, а Синий хребет относится к разряду складчато-глыбовых гор на мезозойских и кайнозойских структурах (Исаченко, Шляпников 1989). Синий хребет – низкогорье, покрытое хвойными породами деревьев с небольшой примесью широколиственной древесной и кустарниковой растительности. Другие виды врановых птиц, кроме тех, что включены в аннотированный список, в указанный выше период авторами не встречены.

Голубая сорока *Cyanopica cyanus*. Обычная гнездящаяся птица. Найдено три гнезда. Первое из них обнаружили 14 июня, оно располагалось примерно в 100 м от ДОЦ, на невысоком ранете на высоте около 3 м. В этот день оно было пустым. Откладка яиц началась, видимо, 18 или 19 июня, т.к. 21 июня в гнезде было 3 яйца. Полная кладка состояла из 5 яиц. Вылупление птенцов началось, по-видимому, 7 июля. В этот день в гнезде было 4 яйца и голый птенец. Взрослая птица беспокоилась в 15-20 м от гнезда.

Второе гнездо голубой сороки найдено 18 июня. Оно было устроено на небольшом дереве ранета, растущем на огороженной территории ДОЦ, примерно в 15 м от ближайших строений. Спустя 2 дня, утром 20 июня, разыгрался ураганный ветер юго-восточного направления с дождём. Гнездо сильно раскачивалось на ветру. На видеокамеру удалось запечатлеть, как во время бури с дождём птица пыталась усидеть в сильно раскачивающемся гнезде с кладкой яиц. Но затем она всё-таки покинула своё гнездо и из него на землю начали выпадать яйца. Из гнезда выпало 5 яиц, из которых 4 яйца разбились, а 5-е чудом уцелело. Полная кладка состояла из 5 или 6 яиц. Разбившиеся яйца были слабо насиженными.

Третье гнездо располагалось на другом дереве ранета, тоже растущем на территории ДОЦ, примерно в 30-40 м от дерева, на котором находилось второе гнездо. Это дерево было примерно 15 м высотой, а гнездо располагалось на высоте 7-8 м. Слёток из этого гнезда обнаружен 5 июля на траве, недалеко от гнезда. Возвращённый нами на ветку этого дерева птенец в этот же день вновь был найден на траве, т.е. он вновь слетел вниз.

Сорока *Pica pica jankowskii* Stegmann, 1928. Этот подвид сороки, по сравнению со всеми остальными, имеет более короткий хвост (Сте-

панян 2003). Согласно нашим наблюдениям, особи этого подвида обладают более тихим голосом по сравнению с голосом *P. p. bactriana* Bonaparte, 1850, обитающим на юге Западной Сибири. Обычная гнездящаяся птица. Одну сороку видели в Спасске-Дальнем 4 июня. Одну особь наблюдали в окрестностях деревни Калиновка в первую же экскурсию 4 июня. Взрослых с кормом для птенцов отмечали с 8 июня, но, это, видимо, были далеко не первые кормящие птенцов птицы.

Около ДОЦ 26 июня найдено гнездо на ильме высотой около 30 м, на высоте 16-18 м. Гнездо представляло собой несколько более массивное строение, чем гнёзда *bactriana*. Содержимое гнезда не проверено.

Выводок перелетающих сорок отмечен в Спасске-Дальнем 8 июля. На следующий день в городе видели несколько летающих молодых сорок, часть из которых (или все) ещё находилась под опекой взрослых сорок. У молодых сорок белые пятна по бокам передней части спины очень маленькие, поэтому они более тёмные по сравнению с молодыми особями *P. p. bactriana*.

Грач *Corvus (frugilegus) pastinator* Gould, 1845. Редкая, местами обычная птица в Спасском районе. В окрестностях ДОЦ и деревни Калиновка мы за всё время ни разу не видели этой птицы. Мы отмечали грачей лишь в городе Спасск-Дальний и его ближайших окрестностях. Около 10 особей отмечено в Спасске-Дальнем 4 июня, однако на обширных полях около города грачей в этот день не отмечено. В окрестностях Спасска-Дальнего 13 июня мы видели много грачей. Стая из нескольких десятков птиц этого вида отмечена в городе 9 июля.

Большеклювая ворона *Corvus macrorhynchos*. Обычный вид в Спасском районе. Одна особь 10 июня замечена с кормом в «зобу», так как, по-видимому, это была кормящая птенцов взрослая особь. Взрослые птицы с кормом для птенцов в Нижнем Приамурье замечены до середины июня (Бабенко 2000). Неразбившиеся выводки большеклювых ворон в заповеднике Кедровая падь отмечены с последних чисел июня (Панов 1973).

Мы неоднократно замечали антагонистическое отношение других видов врановых к большеклювым воронам. Так, одна большеклювая ворона 8 июня что-то несла в клюве, а её преследовали 4 голубых сороки. Возможно, она похитила из гнезда голубой сороки яйцо или птенца. Утром 13 июня одну большеклювую ворону преследовали 4 или 5 голубых сорок. Несколько голубых сорок 24 июня отгоняли от своих гнёзд трёх большеклювых ворон. В этот раз к голубым сорокам присоединились и три обыкновенные сороки. Возможно, большеклювые вороны разорили и гнездо большой горлицы *Streptopelia orientalis*, в котором находилось 2 яйца. Оно 20 июня оказалось пустым.

Иногда удавалось увидеть агрессивное отношение большеклювых ворон по отношению к хохлатым осоедам *Pernis ptilorhyncus*. Так, 24

июня одна ворона преследовала хохлатого осоеда около пасеки. Ещё одна ворона гонялась за осоедом 1 июля. Около Вишнёвского пруда 6 июля 7 большеклювых ворон тоже атаковали осоеда. Мотивы большеклювых ворон, преследовавших осоедов, не ясны.

Одна из большеклювых ворон, встречающихся рядом с ДОЦ, имела уродство надклювья. Оно было удлинено и загнуто книзу, как у хищных птиц. Сходная мутация надклювья отмечена у грачей (Hordowski 2009). Эта особь постоянно держалась в окрестностях ДОЦ. Эту ворону 20 июня преследовала одна голубая сорока.

Большеклювые вороны очень умны и осторожны. Так, при попытке снять на видеокамеру особь с необычным надклювьем, она, почуяв неладное, некоторое время проявляла повышенную осторожность. Одна и та же особь (или несколько разных, одна из которых имела изменённое надклювье), услышав из леса визг поросёнка из подсобного хозяйства завхоза, которому давали комбикорм, прилетала с расстояния в несколько километров к усадьбе. Она усаживалась на высокое дерево и ждала, когда люди, давшие корм поросёнку, куда-либо уйдут. После чего она слетала на землю и шла воровать комбикорм.

Подвижки стай большеклювых ворон отмечены с середины июня. Так, стая из 9 особей 16 июня пролетела на запад или юго-запад на высоте 300 м. Ещё одна стая из 5 кричащих и кружащихся птиц отмечена около ДОЦ 5 июля.

У вороны, пролетевшей около ДОЦ 6 июля, замечена линька маховых перьев, т.е. часть маховых перьев отсутствовала. У птицы с дефектным клювом 7 июля тоже отмечено, что некоторые маховые выпали.

Восточная ворона *Corvus orientalis* Eversmann, 1841. Чрезвычайно редкая птица в пределах обозначенных выше района и временного отрезка. Одна или две особи, по-видимому этого вида, отмечены 6 июля 2002 около Вишнёвского пруда.

Литература

Бабенко В.Г. 2000. *Птицы Нижнего Приамурья*. М.: 1-724.

Исаченко А.Г., Шляпников А.А. 1989. *Природа мира: Ландшафты*. М.: 1-504.

Панов Е.Н. 1973. *Птицы Южного Приморья (фауна, биология и поведение)*. Новосибирск: 1-376.

Степанян Л.С. 2003. *Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области)*. М.: 1-808.

Hordowski J. 2009. *Gawron Corvus frugilegus na Podcarpacii. Monografia gatunku i znaczenie gospodarcze*. Bolestraszyce: 1-446.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1176**: 2866-2869*

Сойка *Garrulus glandarius* в лесостепи северо-восточной Украины

Н.П.Кныш, В.Н.Грищенко, А.И.Статива

*Второе издание. Первая публикация в 2010**

Материалы по населению и экологии сойки *Garrulus glandarius* в лесостепной части Сумской области накоплены в 1970-2000-е годы. Здесь эта птица встречается круглогодично, обычна на гнездовании в лесных насаждениях разного типа, старых садах и парках. В 1960-е годы М.Е.Матвиенко (2009) отмечал наиболее высокую плотность населения вида – 40 ос./км^2 – в островных байрачных лесах. В смешанных лесах и чистых сосняках плотность составляет 20-26, в сплошных нагорных дубравах – 6 ос./км^2. Такое состояние численности сойки сохраняется до сих пор. Примерно с конца 1960-х годов птица довольно активно осваивает урбанизированный ландшафт – зелёные насаждения сёл и городов, жилые кварталы. В настоящее время в городе Сумы, например, она занимает четвёртое место по встречаемости после галки *Corvus monedula*, грача *C. frugilegus* и сороки *Pica pica*. Сойка входит в состав ядра зимней орнитофауны: например, в дубравах, по данным 32 учётов птичьего населения, её плотность в целом за зимний сезон составляет 2.1 ос./км^2, что составляет 4.0% от общего количества пребывающих здесь птиц.

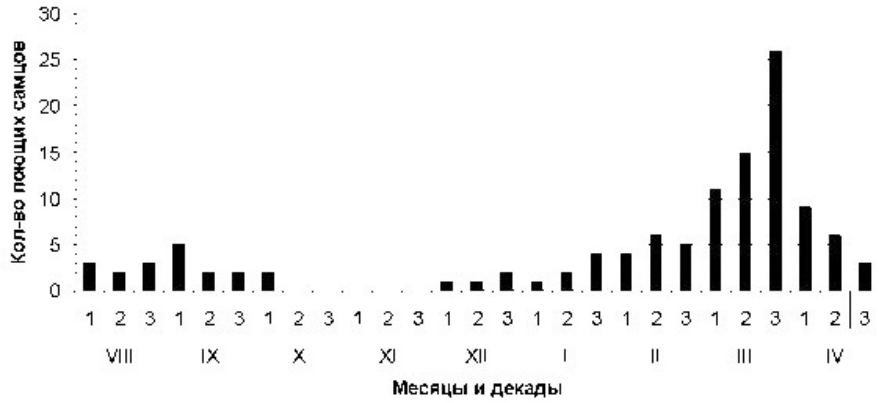
По данным анализа 237 случайных встреч, во внегнездовой период сойки держатся чаще всего поодиночке, особенно это характерно для конца лета (август). В осенние месяцы на одиночек приходится 64.0% встреч, на пары и стайки по 3-4 особи (в редких случаях больше) – 21.3 и 14.7%, зимой – соответственно 84.9, 14.0 и 1.1%. Весной (март и частично апрель) число одиночек уменьшается (55.3%), число пар (25.0%) и стаек по 3-7 особей (19.7%) увеличивается.

Осенью и весной подвижность соек заметно возрастает. Осенние кочёвки происходят во второй половине сентября, реже в октябре. Совершающие направленное движение стайки обычно небольшие, по 2-4 особи. В 1963 и 1968 годах, по данным М.Е.Матвиенко (2009), осенний пролёт был более массовым, стаями от 5-15 до 23-40 птиц (25 сентября 1968 за 30 мин замечено 5 стай общей численностью до 150 особей). Выраженная миграция наблюдалась 5-7 октября 1981, летели стаи численностью от 3 до 32 птиц. Весеннее возрастание подвижности и стай-

* Кныш Н.П., Грищенко В.Н., Статива А.И. 2010. Сойка в лесостепи северо-восточной Украины // *Врановые птицы Северной Евразии*. Омск: 71-74.

ности соек происходит в марте, что связано с незначительным пролётом и с брачной активностью.

Первые признаки брачного возбуждения у соек заметны уже в декабре и другие зимние месяцы. В целом же подъём групповой (популяционной) активности брачных демонстраций, слагаемой из активности отдельных особей, наблюдается в марте (см. рисунок). В эту пору самцы часто поют, совершают токовые полёты, дерутся между собой на гнездовых участках, иногда в присутствии самок. Случаи пения в течение дня распределяются относительно равномерно: до 10 ч – 34.3%, с 10 до 14 ч – 50.0%, после 14 ч – 15.7%. Негромкая песня (подпесня) сойки довольно мелодичная, состоит в основном из щебетания, неясного бормотания, бульканья, клёкота и т.п. В пении 17 самцов отмечены ясно различимые на слух имитации голоса соседей сойки по местообитанию: крики тетеревятника *Accipiter gentilis* – 1 случай, канюка *Buteo buteo* – 2, озёрной чайки *Larus ridibundus* – 1, грача – 3, ворона *Corvus corax* – 1, галки – 1, брачные крики самца и самки обыкновенной неясыти *Strix aluco* – 1, свисты и кряканье иволги *Oriolus oriolus* – 3, сюрчащие позывы свиристелей *Bombycilla garrulus*, сидящих поблизости – 1, пение скворца *Sturnus vulgaris* – 1, большой синицы *Parus major* – 1, а также гогот гусей – 1, какое-то курлыканье – 1, блеяние домашней козы – 1. С августа по первую декаду октября наблюдается осеннее пение (3 октября 2001 самец щебетал даже в полёте), которое по массовости уступает весеннему (рисунок).



Сезонная активность пения соек *Garrulus glandarius* (*n* = 115).

С различной полнотой описано 45 случаев гнездования сойки в природных и антропогенных биотопах: нагорная дубрава – 14, сосняки и островные ельники – 7, лиственные рощи и посадки – 4, пойменные ивняки и ольшаники – 2, старые яблоневые сады – 3, дачные насаждения и постройки – 12, городские кварталы – 2. Везде птица предпочитает приопушечные части леса и мозаичные лесонасаждения.

На свои гнездовые места сойки возвращаются с середины марта. Первые случаи гнездостроения наблюдались в третьей декаде марта

(22 марта 2004, 25 марта 2010). В лесных биотопах (включая заброшенные сады) для размещения гнёзд чаще других выбирается ель (6 случаев), дикая груша (5), вязы (5), дуб (3) и сосна (3), яблоня домашняя (2). Значительно реже (по 1 случаю) – ива, белая акация и карагана древовидная. Высотный диапазон этих гнёзд 1.8-15 м (среднее 4.7±0.5 м, n = 27). Интерес вызывают два гнезда в дуплообразных полостях старых деревьев, на высоте 0.7 и 1.65 м, и два гнезда в дощатых гнездовьях: стандартном скворечнике (дно 15×15 см) без передней стенки и совятнике (дно 23×23, диаметр летка 15 см) на высоте 2.5 и 3.2 м соответственно. В населённых пунктах (город Сумы, сёла, дачные посёлки и т.п.) 9 из 14 гнёзд располагались на постройках под козырьком неподшитой крыши на высоте от 2.4 до 4.3 м, 2 гнезда были устроены на ели (3.0 и 5.0 м), 1 – на туе (3.5 м), 2 – на плакучей иве (Сумы, 8.0 м). Отмечен случай занятия сойкой своего прошлогоднего гнезда (была обновлена его выстилка), устроенного в сплетении ветвей яблони, а также 4 случая повторного использования одних и тех же гнездовых точек под крышами построек. Все гнёзда на деревьях (n = 30) были построены в развилках основного ствола (80%) или боковых веток (20%), гнездо в кроне куста караганы опиралось на платформу из густых веточек.

Независимо от местообитания и расположения, каркас гнёзд (n = 9) составляют веточки различных деревьев и кустарников, в 1 случае с примесью медной, алюминиевой и стальной проволоки (42 куска общим весом 145 г). В плотно свитом среднем слое побеги (берёза и др.) более тонкие, с примесью корешков. Лоток чаще формируют тонкие корешки (80% гнёзд), иногда материалы антропогенного происхождения (полоски полипропилена, синтетического шпагата и пр.). Доля гнёзд, содержащих искусственные материалы, в антропогенном ландшафте значительно выше (50%), чем в естественных (18%).

Диаметр гнезда (n = 9) варьирует от 18 до 35, в среднем 26.4±2.2 см, высота – от 14 до 27, в среднем 19.1±1.9 см. Диаметр и глубина лотка менее изменчивы – соответственно 12.5-15,5 см (13.9±0.4 см) и 6-8 см (6.9±0.3 см). Наиболее массивны гнёзда под крышами строений. Интересно, что здесь рядом с основным гнездом строятся 1-2 дополнительных гнезда или же валик из веток так, что зазор под крышей бывает заложен на протяжении 0.7-1.0 м.

Самое раннее начало кладки отмечено 19 апреля 1972 (дубрава), 10 апреля 1990 (Сумы) и 15 апреля 2010 (ольшаник, гнездо в совятнике); наиболее поздняя свежая кладка из 4 яиц найдена 8 июля 2000 на краю заплетённой виноградом крыши дачного домика. В целом количество начатых кладок (n = 23) по декадам таково: апрель: 1–2–8; май: 4–5–2; июнь: 0–0–0; июль: 1–0–0. Таким образом, разгар откладки яиц приходится на третью декаду апреля (34.8%) и две первые декады мая

(73.9% гнёзд). В полных кладках (n = 15), отложенных в нормальные сроки, было по 6 (3 случая), 7 (7), 8 (3), 9 (1) и 10 (1) яиц (средняя величина кладки 7.3±0.3 яйца). Чаще всего (46.7% случаев) встречаются кладки из 7 яиц. Очень поздняя, июльская, явно замещающая кладка состояла всего из 4 яиц. С учётом всех данных (n = 16) средняя величина кладки сойки в условиях региона составляет 7.1±0.3 яйца.

Средние размеры 79 яиц из 12 кладок – 30.62±0.19×23.15±0.07 мм, индекс сферичности *(Sph)* – 75.77±0.11. Индивидуальные размеры яиц с максимальной длиной и диаметром: 35.0×22.4 и 31.5×24.0 мм; с минимальной длиной и диаметром: 27.3×22.6 и 30.9×21.4 мм. Размеры яиц с крайними вариантами формы – 35.0×22.4 (*Sph* = 64.0) и 27.3×22.6 мм (*Sph* = 82.8). Вариабельность *(CV)* длины яиц 5.4%, диаметра – 2.5%, индекса сферичности – 5.4%. Масса 8 свежих яиц одной кладки – 7.94-8.42, в среднем 8.26±0.053 г (*CV* = 1.81%). Окраска яиц типичная для вида. В двух кладках отмечена инверсия (смещение) рисунка четырёх яиц в клоакальную зону, что составляет 5.1% от числа всех 79 просмотренных яиц. Масса новорождённых птенцов (до и после первого кормления) от 7.7 до 9.7, в среднем 8.74±0.30 (n = 7).

Прослежена судьба 22 гнёзд, из которых 4 брошены на фазе строительства. Погибли 9 гнёзд с начатыми и полными кладками, в том числе 1 брошено из-за фактора беспокойства, 1 кладка расклёвана, возможно, самой сойкой, ещё 7 гнёзд разорены хищниками (в 3 гнёздах лесной куницей *Martes martes*, причём однажды была съедена и насиживающая птица, в 1 гнезде – вероятно, лесной соней *Dryomys nitedula).* Без учёта погибших до начала кладки общие их потери составили 50%. Общая успешность размножения сойки, рассчитанная по 16 гнездовым попыткам (исходное число яиц – 89), составила 41.6%, продуктивность размножения – 2.3±0.8 слётка на размножавшуюся пару (6.2±0.5 слётка на успешную пару, n = 6). Все потери потомства – 52 яйца (58.4%) в 10 гнёздах – происходили на фазах откладки яиц (21.3%) и насиживания (37.1%), преимущественно из-за деятельности хищников, а также фактора беспокойства.

Молодняк начинает покидать гнёзда с конца второй декады мая (19 мая 1990). В лётных выводках (n = 8) бывает по 4 (4 случая), 5 (1), 6 (1) и 7 (2) птенцов (среднее 5.1±0.5). По нашим наблюдениям, осенью (в сентябре) сойки запасают не только жёлуди дуба, но и семена подсолнечника на сельских огородах.

Литература

Матвиенко М.Е. 2009. *Очерки распространения и экологии птиц Сумской области (60-е годы XX ст.).* Сумы: 1-210.